

Б. В. ГОРНУНГ

О ГРАНИЦАХ ПРИМЕНЕНИЯ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО
МЕТОДА В ЯЗЫКОЗНАНИИ

(В применении к индоевропейским языкам)

1

Настоящая статья не ставит себе задачей полностью раскрыть значение сравнительно-исторического метода в языкознании, отказ от применения которого был навязан советской науке Н. Я. Марром и его «учениками». Этот отказ нанес огромный ущерб делу развития историко-лингвистических исследований, делу внедрения подлинного историзма в науку о языке. О значении сравнительно-исторического метода и о пользе, которую он может принести историческому изучению языка, не раз уже писали у нас после выхода в свет гениального труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»¹. Здесь можно отметить только три наиболее существенных момента.

1. И. В. Сталин подчеркнул исключительную устойчивость основы языка, т. е. его грамматического строя и основного словарного фонда, указав, что «язык, его структуру нельзя рассматривать как продукт одной какой-либо эпохи. Структура языка, его грамматический строй и основной словарный фонд есть продукт ряда эпох»². Он показал также, что «элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства»³. Отсюда вытекает требование — для понимания закономерностей развития языка обращаться к очень далекому прошлому, в том числе и к тому времени, от которого у нас нет никаких письменных памятников. Такое проникновение в доисторию достигается только при помощи сравнительно-исторического метода. Оно неизбежно гипотетично (в языкознании в той же степени, как и в любой другой исторической науке), но вместе с тем оно должно быть максимально обосновано фактами, которые добываются сравнением языков и с которыми следует обращаться со всей строгостью и осторожностью. Н. Я. Марр и его последователи приучали нас (не только лингвистов, но, например, и археологов) блуждать в «сумерках доистории» без всякой путеводной нити, которой для ученого может быть только строгий метод.

2. Метод, применяемый в науке, не может не быть соотнесен своему объекту. Сравнительно-исторический метод в языкознании также имеет определенный объект. Беспринципное сравнение тех или иных фактов в одном языке с теми или иными фактами в других языках (в плане их сходства или различия — «схождений» и «расхождений») ничего не дает науке. «Типологические» сопоставления, практиковавшиеся в последнее

¹ Итоги тому, что писалось за последние полтора года о применении этого метода, подведены в редакционной статье первого номера нашего журнала (стр. 18 и сл.).

² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 26.

³ Там же.

время главным образом в работах акад. И. И. Мещанинова, наглядно показывают бесплодность такого рода занятий. Они находятся вне науки. Объектом сравнительно-исторического метода являются такие элементы структуры языка, сходство которых не могло возникнуть вне генетических связей между языками и только этими связями может быть объяснено. Иными словами, объектом сравнительно-исторического метода является изучение генетических связей сходных и различных явлений в родственных языках, самый факт и степень родства которых устанавливается только через изучение специфических генетических связей между ними.

3. Применение определенного метода всегда должно иметь определенную цель. Целью применения сравнительно-исторического метода в языкознании является установление конкретно-исторических связей между языками, что помогает в свою очередь уяснению специфики исторического развития данных языков, раскрытию действующих в нем «внутренних законов». Связи, раскрываемые сравнительно-историческим методом, прежде всего суть связи генетические, но дело не ограничивается установлением этих связей: тот же метод позволяет выяснить, с какими другими (родственными и неродственными) языками данный язык находился во взаимодействии на протяжении своей истории.

Из всего этого совершенно ясно, какое огромное значение имеет в языкознании применение сравнительно-исторического метода. Однако, наряду с этим, необходимо четко определить границы применения этого метода, определить его возможности и уяснить сущность его «серьезных недостатков», наличие которых отметил И. В. Сталин, указавший также, что сравнительно-исторический метод при всех своих «серьезных недостатках» имеет достоинством то, что он «...толкает к работе, к изучению языков...»⁴.

Без этого возникнет опасность универсализировать значение сравнительно-исторического метода, свести к сравнительно-историческим исследованиям все содержание науки о языке, — опасность подмены этим методом самой марксистской методологии в языкознании, опасность превращения всей науки о языке в «сравнительное языковедение», как это нередко имело место в прошлом (во второй половине XIX и в начале XX в.).

Вопрос о границах сравнительно-исторического метода в свою очередь не может пониматься упрощенно и схематически — как вопрос об ограничениях, которые ставит применению этого метода изучения родственных языков ограниченность самого языкового материала, имеющегося в нашем распоряжении, или его характер⁵.

Из приведенных выше слов И. В. Сталина бесспорно следует, что сравнительно-исторический метод должен остаться на вооружении марксистской лингвистики как совокупность методических исследований (эвристических и комбинаторных) при этом. Если эти приемы будут применяться правильно, то они не только не будут противоречить марксистской исторической методологии, единой для всех общественных наук, в том числе и для языкознания, но и будут способствовать внедрению марксизма в языковедение, которого требует от нас И. В. Сталин. Сравнительно-исторический метод выступает, таким образом, как важный вспомогательный метод, специфический именно для науки о языке в силу специфики языка как общественного явления. В целом этот вспомогательный метод представляет собой весьма сложное явление. В него входят раз-

⁴ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 33.

⁵ Этого рода недостатки сравнительно-исторического метода выдвигаются на первый план особенно в статьях Б. А. Серебренникова. Ср. «К вопросу о недостатках сравнительно-исторического метода в языкознании», «Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», 1950, № 3.

личные, до некоторой степени самостоятельные, группы исследовательских приемов, в том числе и сама техника исследования.

Однако сравнительно-исторический метод в языкознании никоим образом не может быть сведен к этой технике. Усовершенствование этой техники является необходимым, но одно оно еще никак не решает вопроса о преодолении «серьезных недостатков» этого метода.

Как вспомогательный метод в языкознании сравнительно-исторический метод не может не зависеть, при применении его в марксистском языкознании, от общей методологии этой науки. Основа марксистской методологии языкознания указана И. В. Сталиным совершенно ясно. Она состоит в изучении языка «...в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»⁶. Из этого следует, что построение сравнительно-исторической грамматики родственных языков и их сравнительно-исторической лексикологии, при всей его важности как совершенно необходимой ступени в ходе историко-лингвистического исследования, не может являться самоцелью в языкознании, как это думали и думают многие буржуазные лингвисты⁷.

В марксистском языкознании сравнительно-историческая грамматика и сравнительно-историческая лексикология родственных языков должны остаться как важные части науки о языке, разработка которых способствует изучению внутренних законов развития языка, что, как учит И. В. Сталин, является главной задачей языкознания. В этих внутренних законах развития раскрывается конкретная история каждого языка, неразрывно связанная с конкретной историей народа, а изучение «языкового родства», раскрываемого при помощи сравнительно-исторического метода, может, как указывает И. В. Сталин, «...принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка»⁸.

Только при изучении развития каждого языка в сравнении с развитием родственных ему других языков, при изучении всех генетических связей данного языка, при сравнительном изучении диалектов и говоров внутри его определяются черты его грамматического строя и основного словарного фонда в их становлении и развитии, определяется в языке свое и чужое, старое и новое, общенародное и диалектальное и т. д. Тем самым в сравнительно-исторических исследованиях устанавливается совокупность основополагающих фактов в их историческом развитии, при помощи анализа которых может быть познан конкретный характер внутренних законов развития данного языка. Результаты этих исследований, основанных в значительной части на фактах древних периодов истории языка, имеют большое значение и для изучения более поздних периодов. Уже сами сравнительно-исторические исследования показывают нам несколько обобщенную специфику внутренних законов развития, свойственную целой группе родственных языков, но во всей

⁶ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.

⁷ Начиная с А. Шлейхера (1821—1868), целый ряд буржуазных лингвистов сводил основную задачу исторического языкознания к восстановлению «праязыков» отдельных языковых семей. В наиболее реакционном направлении немецкой лингвистики, возглавлявшемся Г. Гиртом, эта задача (*Erschliessung der Ursprache*), оставаясь основной для сравнительного языкознания, была целиком подчинена более широкой задаче восстановления культуры и мировоззрения «пранародов», понимавшихся в чисто расистском духе. Если же некоторые буржуазные лингвисты (например, Мейе, Вандриес и др.) и не думали так, как Шлейхер и Гирт, и не считали компаративистику самоцелью в языкознании, то вместе с тем они, как идеалисты, не понимали и подлинных задач истории языка в связи с развитием общества, хотя много говорили об этих задачах.

⁸ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 34.

своей конкретности характер внутренних законов развития, присущий каждому языку в силу общенародного, единого для всего народа, но отличного от других народов, характера его основы (в понимании И. В. Сталина) раскрывается в специальном исследовании этих законов, которое использует все результаты сравнительно-исторических исследований, но само уже не носит сравнительного характера.

Итак, сравнительно-исторические приемы лингвистического исследования служат прежде всего целям эвристики, т. е. указывают пути нахождения нужных исследователю фактов, именно показательных фактов, освещающих историческое развитие тех или иных языков. Другую группу исследовательских приемов, связанных уже со следующим этапом исследования, составляют комбинаторные приемы, устанавливающие принципы систематизации найденных фактов для их исторического осмысления. Через эти этапы, овладев всем богатством систематизированного, обобщенного и исторически осмысленного в его генезисе и развитии языкового материала, мы должны идти к завершающему этапу — к построению истории конкретных языков в тесной связи с историей общества, с историей народов, их творцов и носителей⁹.

Однако обойти эти этапы нельзя. Энгельс писал: «... «материя и форма родного языка» становятся понятными лишь тогда, когда прослеживается его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки»¹⁰. Возможна и желательна дальнейшая детализация группировки приемов сравнительно-исторического исследования родственных языков, но две названных группы представляются нам основными. При переходе к дальнейшим этапам исследования сравнительно-историческая методика не отпадает целиком, но должна уже сочетаться с целым рядом других приемов. Вопрос о сочетании компаративистской методики с иными приемами исследования остается еще очень мало разработанным.

Лишь при таком подходе к сравнительно-историческим исследованиям, который четко ограничивает их задачи, может быть правильно поставлен и вопрос о недостатках сравнительно-исторического метода, подчеркнутый И. В. Сталиным. Лишь при таком подходе возможна и правильная оценка всего того, что представляют нам предшествующие периоды разработки сравнительно-исторического метода.

2

Существующая методика сравнительно-исторических исследований, созданная в своей основе в первой половине XIX в., хотя она непрерывно совершенствовалась за последние 70—80 лет¹¹, остается и сейчас еще во многом неудовлетворительной. Она еще в значительной степени схематична и тем самым антиисторична. В различных «введениях в языковедение», у Ф. Ф. Фортунатова (и его последователей — В. К. Поржезинского и Д. Н. Ушакова), И. А. Бодуэна де Куртенэ, Б. Дельбрюка, И. Схрей-

⁹ Само собой разумеется, что «этапы» исследования нельзя понимать в смысле их временной последовательности, т. е. в том смысле, что сперва мы занимаемся только сравнительно-историческим исследованием, потом уже переходим к изучению истории отдельных конкретных языков. Мы имеем здесь в виду логическую последовательность этапов исследования, но фактически оба пути исследования могут идти параллельно.

¹⁰ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1951, стр. 303.

¹¹ См. об этом в докладе П. С. Кузнецова, А. А. Реформатского и Б. А. Серебряникова «О методе установления языкового родства» (Тезисы докладов научн. сотруди. Ин-та языкозн. на объединен. сессии Ин-та этн. и Ин-та истории матер. культ., Ин-та истории и Ин-та языкозн. АН СССР, М., 1951).

нена и других авторов¹², содержится большое количество правильных и нужных для дальнейшего развития исторического языкознания положений, добытых трудами многих поколений ученых в упорном и добросовестном исследовании фактического материала. Об этих остающихся во многом бесспорными «элементарных истинах», которые беззащитно и в течение долгого времени попирались, сейчас нужно достаточно громко и настойчиво напомнить. Их прочное усвоение необходимо всему нашему молодому научному поколению, которому в годы господства «нового учения» о языке вместо научных курсов и пособий преподносились «палеонтологические», «глоттогонические» и «стадиально-типологические» фантазии в соединении с грубой вульгаризацией и демагогическим извращением основных положений марксизма. Усвоение этих «элементарных истин» необходимо и тем из последователей Марра, кто в своем кичливом высокомерии, воспринятом от «учителя», часто просто не удосужился своевременно с ними познакомиться. Их усвоение необходимо также и представителям смежных научных дисциплин — истории, археологии, этнографии и антропологии, поскольку плодотворная разработка этих дисциплин не может вестись без привлечения данных языка для сопоставления со своими данными. Влияние «нового учения» о языке в этих областях было тоже достаточно глубоким. Западные буржуазные лингвисты более позднего времени, примыкающие в той или иной степени к воинствующему реакционному антиисторическому направлению, «структурализму», критикуя недостатки компаративистики, делают из наличия этих недостатков закономерный для их антиисторизма вывод об отказе от этой методик. Вместо критики недостаточно последовательно проводимого историзма мы находим у них идущий еще от Ф. де Соссюра подрыв самой основы исторического подхода к языку. Не будучи в состоянии обосновать и иллюстрировать реальными языковыми фактами ту абстрактную безжизненную схему, какую подменяется в сосюрианстве «система» языка, Ф. де Соссюр отрывал «синхронию» от «диахронии», но не решался еще полностью ликвидировать последнюю, хотя и потерял в последние годы своей жизни всякий вкус к историческому изучению языка. Структуралисты пошли дальше и просто зачеркнули историю языка, растворив его развитие в своих «панхронических» и «ахронических» законах. Такой ход мысли привел одного из столпов зарубежной лингвистики периода между первой и второй мировыми войнами, Н. Трубецкого, к фактическому отрицанию генетического единства индоевропейской языковой семьи¹³. Факт все большего и большего отхода западной лингвистики от сравнительно-исторического метода с горечью констатируется самими буржуазными учеными из числа продолжающих работать в этом направлении¹⁴. Сравнительно-исторический метод начинает рассматриваться уже как «наследство», а не как актуальная проблема современной науки, разработка которой еще не закончена¹⁵. Лишь некоторые немногочисленные компаративисты (например, Э. Бенвенист, Е. Курилович, В. Пизани и так называемые «неолинг-

¹² Ср. также большую методическую и образовательную ценность для любого лингвиста таких книг, как «Введение в курс истории русского языка» А. А. Шахматова (1916); «Славянское языкознание» (1941) и «Старославянский язык» (1952) А. М. Селищева; «Общеславянский язык» А. Мейе (1924, русск. пер. 1952); F. Kluge, *Vorgeschichte der altgermanischen Dialekte in Grundriss der german. Philologie* hrsg. von H. Paul, том I, 2-е изд. 1897; W. Meyer-Lübke, *Einführung in das Studium der romanischen Sprachwissenschaft* (1901).

¹³ См. об этом в редакционной статье первого номера нашего журнала. — *Ред.*

¹⁴ Ср., например, статью Лена о современном состоянии индоевропейской лингвистики (G. S. Lane, *On the present state of Indo-European linguistics*, «Language», vol. 25, 1949, p. 333—342).

¹⁵ Ср., например, В. А. Террачини, *L'héritage de la méthode comparative*. — *Acta linguistica* vol. II, fasc. 1 (1940—1941), p. 1—22; fasc. 2 (1941), p. 63—82.

висты») стремятся, сохраняя основу компаративистской методики, коренным образом улучшить ее, причем достигают иногда интересных результатов в частностях. Однако они не в состоянии поставить (даже в плане идеалистической науки) достаточно широко основной вопрос о путях углубления историзма в сравнительно-исторических исследованиях. Этому препятствует неправильное понимание ими специфики языка как общественного явления, идеалистическое представление о развитии самого общества, неверное понимание природы языкового знака и т. д. Преодолению этих пороков препятствует и будет препятствовать порочность общей методологической (а не методической) основы их работ, буржуазная ограниченность их научного и общественного мировоззрения. Помня об этом и не поддаваясь соблазну увлечения чуждыми общими историко-лингвистическими построениями, мы можем извлечь некоторую пользу из критического анализа трудов этих ученых¹⁶. Гораздо больше может обещать нам использование трудов ученых стран народной демократии, с интересом следящих за развитием советской науки и начинающих учитывать ее методологические достижения (например, трудов Вл. Георгиева, Я. Отрембского и др.). Наконец, нам нужно подвергнуть детальному критическому анализу развитие сравнительно-исторического метода в нашем отечественном языкознании — у Ф. Ф. Фортунатова, Г. К. Ульянова, И. В. Нетушила, В. А. Богородицкого, А. А. Шахматова, В. К. Поржезинского, М. М. Покровского, А. М. Селищева и не только у этих выдающихся, но и у менее известных ученых. Надо иметь в виду, что итоги сравнительно-исторических исследований индоевропейских языков, излагавшиеся этими учеными в общих курсах, неизбежно должны были иметь очень обобщенный и упрощенный характер. Искания этих ученых обычно мало отражались в общих курсах и пособиях (например, В. К. Поржезинского). Из педагогических соображений в эти курсы (за исключением, может быть, общих трудов А. А. Шахматова) вносились только откристиллизовавшиеся положения характера тех «элементарных истин», о пользе напоминания которых говорилось выше. В специальных работах этих ученых заключено много такого, что они считали еще спорным, недостаточно проверенным и чего они поэтому не вносили в общие курсы. Однако эти искания представляют большой методический интерес. В них русские лингвисты часто шли впереди западной науки, которая приходила иногда к тем же результатам позже, как это было с повторением целого ряда историко-лингвистических выводов в области изучения индоевропейских языков, уже сделанных ранее Ф. Ф. Фортунатовым и остававшихся неизвестными за рубежом (ср. также, например, исследования В. А. Богородицкого по относительной хронологии древнейших периодов развития индоевропейских языков)¹⁷. Иногда же зарубежная наука и вовсе не приходила к достигнутым русскими учеными результатам, уклоняясь в своей разработке того или иного вопроса совсем в другую сто-

¹⁶ Ср. E. Benveniste, *Origines de la formation des noms en indoeuropéen* (P. 1935); J. Kuryłowicz, *Études indoeuropéennes* (Kraków, 1935); V. Pisani, *Studi sulla preistoria delle lingue indoeuropee* (Roma, 1933); W. Brandenstein, *Die erste Wanderung der Indogermanen* (Wien, 1936); J. Pokorný, *Zur Urgeschichte der Kelten und Illyrier* (Halle, 1936); его же, *Substrattheorie und Urheimat der Indogermanen* (Mitteilungen d. Anthrop. Ges. in Wien, Bd. 66, 1936, S. 49—91); A. Nehring, *Studien zur indogermanischen Kultur und Urheimat* (Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik, Bd. IV, 1936, S. 7—230). Работы Брандештейна и Неринга резко заострены против расистских построений и «нордических теорий» школы Гирта-Артца и других лингвистов гитлеровской Германии тех лет.

¹⁷ Ср. В. А. Богородицкий, *К хронологии и диалектологии фонетических процессов в ариевропейских языках*, Уч. записки Казанского ун-та, 1900, кн. 4, стр. 1—40, и отдельно (Казань, 1900).

рону¹⁸. В дальнейшей разработке методики сравнительно-исторических исследований (не только в применении к индоевропейским языкам) об этом не надо забывать.

Не останавливаясь специально на критике сравнительно-исторического метода Н. Я. Марром (этой теме нами посвящена специальная только что выпущенная из печати статья «О критике Н. Я. Марром основ сравнительно-исторического языкознания»)¹⁹, укажем лишь, что последователи Н. Я. Марра или полностью отбрасывали всё, относящееся к индоевропейистике или пытались включить добытые сравнительно-историческим методом положения и факты в состав «нового учения» для укрепления его. Критики метода по существу в этом последнем случае не было. Это было не в интересах авторов, поскольку нужные факты, добытые чужими руками, использовались, но только «перетолковывались» в духе «нового учения» — иногда для доказательства положений, прямо противоположных тем, которые из этих фактов вытекают²⁰. В работы этой группы последователей Марра вкрапывались иногда только бездоказательные декларации о порочности всего метода в целом, результаты применения которого они старательно использовали²¹.

Нужно отметить, что сторонники Н. Я. Марра и примыкавшие к ним в той или иной степени, хотя бы в определенный период своей деятельности, советские лингвисты (Р. О. Шор, Л. П. Якубинский, Б. А. Ларин, М. Я. Немировский) часто выделяли в зарубежном языкознании первой трети XX в. в качестве «передовых» и «прогрессивных» именно те научные направления, которые стремились порвать с традицией сравнительно-исторического языкознания XIX в. Так, ими выделялись прежде всего Ф. де Соссюр и идущая от него французско-швейцарская «социологическая» школа (Балли и др.), Г. Шухардт, Жильерон, отчасти Тромбетти, Уленбек, Ван-Гиннекен. В этом тоже, пожалуй, сказывалось влияние Н. Я. Марра с его неразборчивостью в выборе себе западных союзников из числа «диссидентов индоевропейистики» (те же Ф. де Соссюр и Г. Шухардт, Кассирер, Леви-Брюль, В. Шмидт и др.). Весьма показательно здесь стремление последователей Марра отыскать прогрессивные моменты в лингвистической доктрине Г. Шухардта, отвлекаясь от ее ничем не маскированного воинствующего идеалистического характера²² и прямой связи с реак-

¹⁸ Так, М. М. Покровский в своих «Семасиологических исследованиях в области древних языков» (М., 1895), хотя и следовал во многом западноевропейским семасиологическим учениям, пришел к целому ряду выводов, которые западной науке остались совершенно чужды, так как семасиология приняла там совершенно иное направление, особенно под влиянием «феноменологических» исследований школы Э. Гуссерля (ср. его «Ausdruck und Bedeutung» во 2-м томе «Логических исследований») или идеалистической нефилологии Кроче—Фосслера—Шухардта. Ср., например, типичную эклектически отражающую разные течения идеалистической философии и лингвистики книгу К. О. Е r d m a n n, Die Bedeutung des Wortes, Leipzig, 1922.

¹⁹ Сб. Против вулгаризации и извращения марксизма в языкознании, ч. 2, М.—Л., изд. АН СССР, 1952, стр. 157—171. Ср. отчасти также ст. А. В. Десницкой в «Иzv. АН СССР, Отд. лит-ры и яз», 1951, вып. 4.

²⁰ Наиболее типичны в этом отношении работы С. Д. Кацнельсона («Генезис номинативного предложения» и др.), отчасти А. В. Десницкой («Чередование гласных в германских языках», М.—Л., 1937, и статья «О мнимом структурном единстве индоевропейских языков», «Иzv. АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», 1941, № 1, стр. 56—78).

²¹ Ср., например, у А. В. Десницкой: «Пользуясь теми или иными положениями сравнительной грамматики, мы никогда не должны забывать о том, что она зиждется на порочной методологической основе, выросла из предпосылок, полностью отвергаемых марксистским языковедением» («Чередование гласных...», стр. 95). Известно что «предпосылками» возникновения сравнительной грамматики был поворот изучения языка к сторону историзма. Очевидно, это и считалось автором «порочной основой».

²² См. его «Der Individualismus in der Sprachforschung» (1926), где он, правда, высказывается в одном месте против принятия лингвистом какой-либо одной стороны в фосслеровской контрверзе «позитивизм — идеализм» и считает, что языкознание

ционной философией Б. Кроче и К. Фосслера²³. Помимо «заслуг» Г. Шухардта в критике «индоевропеизма» и компаративистики²⁴, в его позитивных построениях особенно привлекала сторонников Н. Я. Марра идея «истории слововещей» (*Sachwortgeschichte*), собственно говоря, выдвинутая не им, а Р. Мерингером — раньше и в более интересном аспекте. Эту идею сближали с марровской идеей «увязки истории языка с историей материальной культуры» и пытались обратить также против сравнительно-исторического метода, подчеркивая, с допущением полного смешивания языка с культурой, уход языков своими корнями в местную почву вне связи с родственными языками. О том, что Н. Я. Марр и И. И. Мещанинов только дискредитировали плодотворную идею о связи истории языка с историей материальной культуры и сбили этим с толку археологов и этнографов, у нас уже писали после выхода в свет трудов И. В. Сталина по языкознанию²⁵. Понимание этой связи Г. Шухардтом, хотя и очень мало похоже на марровское, от этого не становится более приемлемым для нас, и никак не может быть использовано в советском языкознании. Его основная работа по этому вопросу «Вещи и слова»²⁶ содержит путаную смесь разнообразных идеалистических представлений о «вещи» в ее отношении к слову-названию от средневековой схоластики до реакционной этнологической концепции Гребнера, продолжателями которого являются шпенглерянец Фробениус и патеры В. Шмидт и В. Кошперс (руководители реакционного венского журнала «*Anthropos*»). Через всю эту статью Г. Шухардта, которую одно время пропагандировали и в советской лингвистике²⁷, проходит красной нитью «переоценка семантики», пренебрежение языком этой «непосредственной действительностью мысли», отрыв мышления от языка.

В статье «Вещи и слова» Г. Шухардт исходит из неверного положения, что в своем родном языке говорящий и воспринимающий речь только «приравнивают» слово и вещь. Природа языкового знака тем самым искажается, знак делается каким-то ярлыком или этикеткой (образ, который используется самим Шухардтом в другом контексте), отпадает многозначность слова, его зависимость от контекста речи, ее стиля. Игнорируется не только факт, что слово, хотя и обозначает вещь, но, существуя только в определенной форме, выражает вместе с тем и отношение к другим вещам; игнорируются семантические связи каждого слова с другими словами, через которые оно включается в систему лексик и языка, отнюдь не представляющую собой какое-то «собрание этикеток». Словарный состав становится у Шухардта самым языком, тогда как он, как учит И. В. Сталин, является только строительным материалом для языка.

должно использовать как первый (на «низших» этапах исследования), так и второй (на «высших» этапах). В конечном счете это ведет к безоговорочному принятию откровенного идеализма, не говоря уже о том, что и позитивизм, против которого воевал К. Фосслер, не содержит в себе ничего материалистического (См. Schuchardt-Brevier, 2-е изд., стр. 419).

²³ Ср., например, Г. П. Сердюченко, Лингвистическая теория Гуго Шухардта, «Уч. зап. Сев.-Кавк. ун-та», 1930, т. I (XIV), стр. 174—195.

²⁴ Ср. оценку этой роли Г. Шухардта в статье С. Л. Быховской, «Н. Я. Марр и северо-кавказские языки»: «Под вопрос поставлена даже основная догма компаративизма — объяснение общих элементов в языках происхождением этих языков от одного общего предка — праязыка. Этот вопрос сразу же стал перед великим лингвистом Г. Шухардтом..., но он, как известно, не довел дело до конца» (Сб. «Язык и мышление», т. VIII, 1937, стр. 129). (Разрядка наша. — Б. Г.).

²⁵ См. нашу статью «Семантические законы Н. Я. Марра и вопрос об отношении истории языка к истории материальной культуры» в сб. «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании», ч. I, М.—Л., 1951, стр. 170—188.

²⁶ *Sachen und Wörter*, *Anthropos*, Bd. 7, 1912, S. 827—839; перепечатана в Schuchardt-Brevier, 2-е изд., 1928, стр. 122—135.

²⁷ Ср. Р. Шор, Языкознание, БСЭ, 1-е изд., т. 65, стр. 414; е с ж е, приложение к книге В. Томсена, История языковедения, М., 1938, стр. 147—148.

Коммуникативная функция языка отходит на задний план, уступая свою главенствующую роль номинативной функции. «Обозначение» (Bezeichnung) по Шухардту во всех своих проявлениях первично по отношению к значению (Bedeutung)²⁸, из чего и вытекает указанное выше полное невнимание к полисемии слова и к его семантическим связям с другими словами. Все это приводит автора к вопиющему антиисторизму, который стирает исторически складывающуюся специфику конкретных языков, что тоже отражает возрождение в идеалистической философии начала XX в. универсалистских идей средневековой схоластики (школа Гуссерля, Шпенглер, «неотомизм», фашист Гейдеккер). Весьма показательно, что такие объективно антиисторические выводы сочетаются у Шухардта с постоянно прокламируемым им о д н о б о к и м «историзмом» — интересом к одному только «становлению» и равнодушием к результатам языкового развития, т. е. к языковой современности, хотя именно этот интерес Г. Шухардта подчеркивался у нас (в полном противоречии с фактами) его пропагандистами²⁹.

Отдельные конкретные замечания, предостерегающие против увлечения идеей всемогущества сравнительно-исторического метода, встречающиеся у Г. Шухардта и Жильерона³⁰ и обычно выраженные в необоснованно категорической форме, касаются только таких ч а с т н о с т е й, которые никак не могут рассматриваться в качестве тех «серьезных недостатков» метода, о которых говорит И. В. Сталин. Позитивные построения отошедших от компаративистики ученых типа Г. Шухардта и Жильерона, как и построения Ф. де Соссюра (даже без тех дальнейших выводов, которые были сделаны из них структурализмом и его предшественниками, женеvской и пражской «школами») для нас абсолютно неприемлемы. Они антиисторичны в самой своей основе в такой же степени, как антиисторично так называемое «новое учение» о языке, хотя и отличаются от него или от фантазий турецких лежеученых тем, что субъективный произвол в оперировании над языковым материалом не бьет у них в глаза своим откровенным пренебрежением ко всему сделанному до них. По существу же некоторые структуралисты, хотя и не делают резких выпадов против лингвистических учений прошлого, так же высокомерно отрицают всю деструктуралистскую науку, как Н. Я. Марр отрицал всю домарровскую науку. Поэтому в разработке проблемы преодоления недостатков сравнительно-исторического метода в языкознании и усовершенствования его как совокупности исследовательских приемов, насущно необходимых в определенных областях изучения языка, мы должны идти своим путем. У современных зарубежных лингвистов, выступающих против сравнительно-исторического метода или игнорирующих его, нам нечего позаимствовать. Из критики предыдущего периода (первая треть XX в.) мы можем учесть лишь очень частные поправки.

3

Касаясь различных форм как отрицательного отношения к сравнительно-историческому методу, так и попыток его усовершенствования, имевших место в рамках буржуазного языкознания, мы не упоминали об оригинальном отношении к этому методу со стороны французского лингвиста Ж. Вандриеса, широко известного у нас по переведенной на рус-

²⁸ Schuchardt-Brevier, S. 132.

²⁹ Первая работа Г. Шухардта «Der Vokalismus des Vulgärlateins» (1866) открывается словами: «Языковед занимается становлением языка», и эти слова цитируются и развиваются им в последней, опубликованной им незадолго до смерти статье «Der Individualismus in der Sprachforschung».

³⁰ Ср. особенно J. Gilliéron, La faillite de l'étymologie phonétique, P. 1919.

ский язык научно-популярной книге «Язык. Лингвистическое введение в историю»³¹. Вандриес — компаративист с очень небольшим налетом сосюрианства (декларативное признание противопоставления «диахронии» и «синхронии» в языке без последовательного проведения этого принципа в исследовательской практике). Он крупный специалист по кельтским, латинскому и греческому языкам. Сравнительно-исторический метод — основной метод, которым он пользуется, и, естественно, никакого враждебно отрицательного отношения к этому методу, свойственного Шухардту или Жильерону, мы у него не найдем.

В главе «Родство языков и сравнительный метод» (стр. 271—283) Вандриес пытается определить ряд недостатков сравнительно-исторического метода, которые с его точки зрения должны рассматриваться как «серьезные недостатки». Его взгляды на этот предмет отражались в советской вузовской практике у тех преподавателей, которые в своих общих лингвистических курсах не считали необходимым охаивать сравнительно-исторический метод в целом или обращать его на укрепление «нового учения» о языке. Рассмотрение его распространенных и у нас критических или, вернее, скептических высказываний о некоторых сторонах сравнительно-исторического метода представляет интерес прежде всего потому, что в свете гениальных трудов И. В. Сталина и некоторых советских работ, конкретизирующих и развивающих сталинские положения³², скепсис Вандриеса в значительной своей части оказывается совершенно несостоятельным, а устанавливаемые им недостатки сравнительно-исторического метода не теми, которые действительно следует принимать во внимание.

Разбор Вандриесом основных неустранимых недостатков сравнительно-исторического метода можно свести к нескольким положениям. Вандриес считает, что сравнительно-исторические лингвистические исследования

1) не могут быть приведены в соответствие с выводами антропологии и археологии, причем лингвистические реконструкции фактов и даже процессов ничего не говорят о носителях языков-основ и их культурном развитии (стр. 277—278);

2) указывают на непрерывность и правильную последовательность языковых изменений, чем упрощается представление об историческом процессе развития языка, исключаются из него «внешние случайные вмешательства» (стр. 272);

3) мало дают в области изучения истории лексики, так как «словарь может измениться сверху донизу, в то время как язык не терпит существенных изменений в своей фонетической и грамматической структуре» (стр. 279);

4) устанавливают, что «грамматические отношения между языками не согласуются с их словарными отношениями», т. е. отдельные группы языков внутри языковой семьи могут быть по грамматическому строю ближе

³¹ J. Vendryes, *Le langage. Introduction linguistique à l'histoire*, P., 1921. (Русский перевод с предисловием Р. О. Шор и примечаниями П. С. Кузнецова, М., 1937). Предисловие и примечания преувеличивают приближение взглядов Вандриеса (особенно в главе «Родство языков») к так называемому «новому учению» о языке в «уточненной» и «очищенной» редакции И. И. Мещанинова, причем «новое учение» о языке считалось в момент издания книги «марксистской» лингвистикой или, по крайней мере, ее подобием. В одном пункте (о «гибридизации» языков) Вандриес действительно сближается с Г. Шухардтом и Н. Я. Марром (см. об этом ниже).

³² Мы имеем в виду прежде всего исследование об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка и ряд работ о взаимоотношении грамматики и лексики в различных языках.

к одним группам, а по составу лексики — к другим группам той же семьи (стр. 279—280);

5) устанавливают «абсолютность» фонетических изменений и не могут различить в фонетике различающихся в морфологии «форм слабых от форм сильных, последних пережитков предшествующих состояний языка», в силу чего фонетика «ничего не дает для определения родства языков» (стр. 280);

6) исходят из устойчивости морфологической системы языка, тогда как «можно представить себе такую крайнюю степень изменения языка, когда он под влиянием повторного воздействия (других языков) объединит в себе почти в равной мере грамматические особенности двух соседних языковых семейств» и поэтому «в случаях языковой гибридации грамматический критерий становится недействительным» (стр. 270);

7) не учитывают, что этот же критерий становится недействительным и тогда, когда «грамматические изменения происходили быстро или известны нам только... с большими пробелами во времени»³³ (стр. 280).

8) не принимают во внимание, что «невозможно доказать, что данные два языка не родственны друг другу», а поэтому «на земном шаре, быть может, существуют не открытые еще индоевропейские языки, лишенные истории и принадлежащие бесписьменному населению» (стр. 281).

Указывая в заключение на трудности, связанные с частым отсутствием письменных памятников прошлых эпох, Вандриес делает вывод, что «определение родства языков — вещь относительная» и переходит к скрытой полемике с А. Мейе и другими лингвистами, считающими языковое родство «абсолютной нормой» и выводящими его «из сознания и желания говорящих пользоваться тем же языком, что их отцы» (стр. 283).

Рассмотрим соображения Вандриеса по порядку.

В свете сталинского учения о языке первое положение Вандриеса указывает не на недостаток метода, а лишь на то, что язык развивается прежде всего по своим внутренним законам, что он не отражает изменений в базисе так, как отражают их надстроечные явления, и что нельзя смешивать язык с культурой и подчинять развитие того и другого одним и тем же закономерностям. Выше указывалось, что известная связь между развитием языка и развитием материальной культуры может быть установлена в той степени, в какой не к о т о р ы е черты последней могут иметь этническую характеристику (что отрицается Вандриесом), а язык есть важнейший, хотя и не единственный, этнический признак. Данные истории материальной культуры могут быть использованы для проверки не к о т о р ы х выводов сравнительно-исторических лингвистических исследований, но каких-либо ограничений в применении сравнительно-исторического метода в языкознании они не вносят, так как лингвистические общности, как правило, не совпадают с ареалами культурно-бытовых общностей, не совпадали они и в далеком прошлом³⁴, даже и в прошлом доисторическом. Антрополо-

³³ Здесь Вандриес высказывает совершенно невероятное утверждение, что, если бы не знали латинского и других романских языков, то «может быть нашлись бы более серьезные основания, чтобы причислить тогда французский язык к языкам семитическим или финно-угорским» (стр. 281). Определение так называемых тохарских языков как индоевропейских, при бесспорной утрате всех промежуточных звеньев, непосредственно связывавших эти языки с другими индоевропейскими языками (см. E. Benveniste, *Tokharien et indoeuropéen*; *Hirt-Festschrift*, Bd. II, S. 227—240) блестяще опровергает этот домysel Вандриеса.

³⁴ Так, древнегреческое население Акарнании и Эпира (в том числе и население окрестностей общегреческого святилища Зевса в Додоне) по своему культурному уровню не отличалось от негреческого населения этих областей, но античные авторы четко различают в этом населении греков и «варваров» (*βαρβαρόφωνοι*, т. е. говорящих на «варварском» языке).

гические общности никак уже не совпадают с лингвистическими в силу смешанности рас уже в палеолите, но и антропологические данные могут иметь значение для истории языка. Так, например, антропологи показывают, что первоначальное заселение о. Мадагаскара происходило с африканского континента, хотя язык жителей этого острова относится к языкам малайско-полинезийской семьи, т. е. коренное население должно было усвоить чужой язык.

Второе положение Вандриеса сближает его с положением «нового учения» Н. Я. Марра (против которого он выступал)³⁵ о «скачках» и «взрывах» в развитии языка. Устойчивость о с н о в ы языка, его грамматического строя и основного словарного фонда, развитие ее путем развертывания и совершенствования существующих языковых средств, медленность ее изменений и протекание этих изменений по внутренним законам развития данного языка, определяющим его самобытность, н е с м о т р я на «внешние случайные вмешательства», о которых говорит Вандриес, — всё это отводит его возражения против картины исторического развития языка, вскрываемой при помощи сравнительно-исторического метода. Так, например, «внешнее вмешательство» в развитие болгарского и сербского языков, каким было завоевание Балканского полуострова турками, или татарское иго на Руси не нарушили закономерного развития болгарского, сербского и русского языков и оставили след лишь в виде известного числа тюркизмов в лексике.

Третье положение Вандриеса имело силу тогда, когда лингвисты рассматривали лексику отдельного языка недифференцированно и когда, замечая неустойчивость лексики в целом, они исключали ее из числа характерных признаков отдельного языка. Выделение И. В. Сталиным основного словарного фонда (с его корневой частью), исключительно устойчивого и играющего решающую роль в словообразовании, и словарного состава, находящегося в состоянии почти непрерывного изменения, положило конец прежнему толкованию отношения лексики и грамматики, которые либо начисто отрывались одна от другой (в традиционной компаративистике), либо смешивались воедино (в «новом учении» о языке), и открыло путь для разработки сравнительно-исторической лексикологии родственных языков как самостоятельной дисциплины, но тесно связанной с их сравнительно-исторической грамматикой.

Четвертое положение, во-первых, отпадает по тем же основаниям, что и третье, а во-вторых, имеет в виду лишь те сравнительно-исторические исследования, в которых распадение языка-основы понималось как прямолинейный процесс ничем не нарушаемой и равномерной по темпу дифференциации³⁶. Многообразие процесса дифференциации языка определяется, кроме того, неравномерностью темпов изменения отдельных сторон языка, что и создает разнотипные отношения между родственными языками в области грамматики, лексики и фонетики.

Пятое положение Вандриеса неверно фактически, так как и в фонетике мы можем различать «сильные» (устойчивые) и «слабые» (неустойчивые) элементы, соотношение которых может зависеть иногда от акцентологических отношений, иногда от положения звука в морфеме, иногда от чисто фонетических причин. Тенденции к выделению определенных фонетических элементов (отдельных звуков и их сочетаний) в качестве «сильных» и «слабых» нередко намечаются еще в языке-основе той или иной языковой группы до ее дифференциации, но неравномерность темпа развития выделившихся

³⁵ См. «Postface» Н. Я. Марра к 3-му «Яфетическому сборнику» (1925), представляющее собой ответ на статью Вандриеса в *Revue celtique*, vol. 41, № 1—2 (1924 г.)

³⁶ См. об этом статью Б. В. Горнунга, В. Д. Левина и В. Н. Сидорова в первом номере нашего журнала за 1952 г.—*Ред.*

близко родственных языков (например, латинского и осского с умбрским или литовского и латышского) может приводить к тому, что одна и та же тенденция фонетического развития реализуется в разной степени (ср. например, отсутствие латинского «ротацизма» в осском и умбрском языках, где изменение старого *s* ограничилось его озвончением; ср. также соотношение групп *torot* и *trot* в восточнославянских и в польском языках). Тем не менее, именно фонетика с ее строгими соответствиями весьма показательна (если учитывать неравномерность темпа развития отдельных сторон языка в родственных языках) для установления языкового родства³⁷, хотя лишь небольшая часть «фонетических законов» может быть включена в число «внутренних законов развития отдельного языка», — только те, которые, существенно отражаясь на изменениях грамматического строя или строения слова, изменяют специфику данного языка, отличающую его от других языков. Это положение Вандриеса не выдерживало критики и раньше. Указание И. В. Сталина на устойчивость языка, которая в области фонетики выражается в регулярности фонетических изменений, окончательно отвергает указание Вандриеса на этот мнимый недостаток сравнительно-исторического метода в языкознании: «пережитки предшествующих состояний языка» в фонетике вскрываются именно сравнительно-историческим методом с большой долей вероятности.

Шестое и седьмое положения Вандриеса решительно опровергаются указанием И. В. Сталина на исключительную устойчивость грамматического строя языка, медленность его изменения, развитие его путем развертывания и совершенствования существующих языковых средств, а также обоснованным советскими лингвистами на основе сталинского учения о языке положением об устойчивости морфологической системы языка и почти полной непроницаемости системы словоизменения при скрещивании языков³⁸. «Пробелы» в засвидетельствованной истории языка, на которые указывает Вандриес, конечно, создают большие трудности для лингвиста, но именно сравнительно-исторический метод дает возможность преодоления этих трудностей, например, в восстановлении путем сравнения романских языков скудно засвидетельствованного живого общенародного латинского языка V—VIII веков н. э.; там, где объектов для сравнения нет (например, в случае с живым греческим языком византийской эпохи, составляющим промежуточное звено между древнегреческим и новогреческим языками), дело обстоит значительно хуже, но путь развития грамматических форм все-таки в общих чертах восстанавливается, т. е. «грамматический критерий» вовсе не отпадает.

В последнем (восьмом) положении Вандриеса содержится до некоторой степени правильное указание на то, что сравнительно-исторический метод действительно бессиле доказать бесспорное отсутствие отдаленного родства между языками, не обнаруживающими признаков родства. Однако вероятность допущения остается все-таки довольно большой. Так, можно допускать отдаленное родство (т. е. конечное происхождение из общего источника) индоевропейских и финно-угорских языков. На это указывают некоторые факты, но вопрос остается совершенно

³⁷ Фонетический строй языка тесно связан с тем, что И. В. Сталин называет основой языка, с его грамматическим строем и основным словарным фондом, так как слова и их формы в языке не могут существовать без их материального (т. е. звукового) воплощения. Некоторые направления в так называемой «фонологии», пытающиеся якобы «осмыслить» звуки речи, на деле отрывают фонетику от грамматики и лексики, превращая ее в некую самостоятельную «структуру» внутри языка.

³⁸ См. доклады Б. А. Серебренникова и В. С. Расторгуевой «Об устойчивости морфологической системы языка» (Тезисы докладов на открытом заседании Ученого совета Института языкознания АН СССР 28—30 июня 1951 г.; стр. 32—16), печатающиеся в сборнике «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина».

открытым. Родство их не доказано, как не доказано и отсутствие родства. Можно спорить о генетической общности или отсутствии ее у финноугорских языков с алтайскими, но относительно, например, банту и китайского или банту и американских языков можно с достаточной определенностью утверждать, что родства в том понимании, в каком мы говорим о родстве языков в н у т р и установленной наукой языковой семьи не может быть. Здесь выступает критерий истории развития общества и культуры, позволяющий нам считать, что все существующие сейчас языковые семьи образовались относительно поздно.

Анализ критических высказываний Вандриеса о сравнительно-историческом методе подтверждает, таким образом, высказанное выше положение, что вопрос о недостатках сравнительно-исторического метода в языкознании должен быть поставлен советской наукой по-новому, ибо критика его по существу, предлагавшаяся ранее, оказывается в свете сталинского учения о языке несостоятельной.

В появившейся на 25 лет позже статье «Сравнение в языкознании» (*La comparaison en linguistique — Bull. de la Société de ling. de Paris*, vol. 42, 1, 1946, p. 1—18) Вандриес частично повторяет свои скептические высказывания 1921 года, частично же идет дальше в направлении замены сравнительно-исторического метода сравнительно-сопоставительным, применяемым как к родственным, так и к неродственным языкам. Несколько раз в этой статье он говорит иронически о вопросах, которые могут интересовать историка, но не лингвиста, возводя таким образом отрыв истории языка от истории народа в принцип. Например, на стр. 7 он заявляет, что генетическая принадлежность английского языка к германским важна для историка, а для лингвиста может быть интереснее сближение его современной структуры со структурой китайского языка.

4

Недостатки сравнительно-исторического метода, указанные Вандриесом, оказываются при рассмотрении их в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию м н и м ы м и недостатками, однако это несколько не ослабляет остроты вопроса об этих недостатках, в связи с чем данный вопрос и привлекает к себе большое внимание советских лингвистов. Так, например, Б. А. Серебренников в упоминавшейся выше статье правильно (стр. 179) отделяет недостатки объективного характера от недостатков субъективного характера, хотя и не проводит в дальнейшем последовательно этого разделения. По его изложению трудно судить о том, какие из недостатков он считает субъективными и, следовательно, устранимыми без особого труда. Ряд указанных им недостатков не будут таковыми, если мы будем исходить из того определения г р а н и ц применения сравнительно-исторического метода, которое было дано в начале нашей статьи. Так при признании этих границ нельзя уже требовать, чтобы применение сравнительно-исторического метода осветило историю языка без каких-либо пробелов, как ставит этот вопрос Б. А. Серебренников. История языка в связи с историей народа, как мы уже говорили, и с п о л ь з у е т данные, добытые при помощи сравнительно-исторического метода, но сама уже не пользуется им как инструментом научного исследования. Отсутствие в некоторых случаях «надежного материала для сравнения», также подчеркиваемое Б. А. Серебренниковым, есть не дефект метода как такового, а лишь неблагоприятные условия для его применения. То же следует сказать и об отсутствии культурно-исторических данных, мешающем нередко провести проверку сравнительно-исторических построений. Указывает Б. А. Серебренников и один бесспорно объективный (неустранимый) недостаток —

неизбежную гипотетичность любых реконструкций архетипов (звуков, форм, значений слов) и два чисто субъективных недостатка, относящихся целиком к применению метода — «притягивание архетипов к одной хронологической плоскости» и необоснованную смелость в этимологических сопоставлениях слов с очень большим различием в значении в отдельных родственных языках (слова, удовлетворяющие только требованию звуковых соответствий). Все эти три недостатка указаны совершенно правильно. Первый из них, как мы уже сказали, неустраним, но наука без гипотез развиваться не может. Второй и третий подлежат максимальному устранению силами исследователей, на чем и следует остановиться подробнее.

Для того чтобы не сводить в одну плоскость черты реконструируемого языка-основы (реального, развивающегося, т. е. и з м е н я ю щ е г о с я языка), чтобы внедрить историзм и в методы лингвистических реконструкций (при неизбежном сохранении за ними гипотетического характера), нужно прежде всего решительно отказаться от предложенного А. Мейе понимания языка-основы как абстрактной «системы соответствий» в духе соссюровской «синхронии». Это — антиисторическая установка, которая была совершенно чужда русской лингвистической школе, признававшей, что сравнение родственных языков позволяет нам реконструировать лишь «эпоху распадения» языка-основы, имевшего долгую историю развития, и что лишь недостаток метода и недостаток фактов заставляют нас соединять в одной плоскости явления, которые в действительности могли принадлежать разным эпохам³⁹. Реконструируемый язык-основа в представлении ученых фортунатовской школы — «...реальная величина, но величина, не уложенная еще вполне в надлежащие хронологические и диалектические рамки»⁴⁰. Признавалось также, что «обычное в сравнительной грамматике сопоставление языков нашего семейства страдает существенным недостатком вследствие того, что сравниваются между собой разновременные состояния языков в зависимости от начала письменности в последних» и что «на одну линию ставятся языки разных хронологических эпох»⁴¹. В. А. Богородицкий, точка зрения которого была сейчас процитирована, считал, что «изучение сравнительной грамматики... должно дополняться сравнительным изучением развития тех же языков и возможными при этом синхронистическими сопоставлениями их соответствий» и что «обычное статическое исследование должно быть дополнено изучением последовательного хода языковых процессов в области каждой ветви»⁴². Ясно, что такой подход к сравнительному изучению родственных языков является глубоко историческим, с которым несовместимо представление о языке-основе, как о «системе соответствий», расположенной в одной плоскости и объединяющей в себе явления хронологически очень далеких друг от друга этапов развития языка-основы и его диалектов. Поэтому Ф. Ф. Фортунатов и В. А. Богородицкий должны быть признаны пионерами широкой постановки вопроса об «относительной хронологии» языковых явлений в рамках целой языковой семьи. Зарубежные лингвисты, ставившие в конце XIX в. этот вопрос, ставили его в гораздо более узких рамках⁴³.

³⁹ Ср. у В. К. Поржезинского (излагающего точку зрения Ф. Ф. Фортунатова): «...Правильное применение сравнительно-исторического метода... позволяет нам открывать прошлое языка и с большою точностью воссоздавать тот и тот, которым шло его изменение». («Очерк сравнительной фонетики», М, 1912, стр. 3.) (Разрядка наша. — В. Г.).

⁴⁰ Там же, стр. 4.

⁴¹ В. А. Богородицкий, Краткий очерк сравнительной грамматики ариевропейских языков, изд. 2-е, Казань, 1917, стр. 45.

⁴² Там же.

⁴³ Ср., например, О. Вгемер, Relative Chronologie. — Indogermanische Forschungen, Bd. 4 (1895) (только в пределах германских языков).

Лишь много позже зарубежная компаративистика пришла к признанию того, что русским лингвистам было совершенно ясно — именно, что, реконструируя язык-основу, мы должны отдавать себе полный отчет в гипотетичности и известной условности результата реконструкции, но в то же время в самом методе реконструкции должны идти от представления об исторически развивавшемся реальном языке реального народа, а не от стремления построить «систему соответствий», которая сама не соответствует никакой исторической реальности.

Третий недостаток, подчеркнутый Б. А. Серебренниковым, не есть недостаток самого метода. Здесь мы имеем дело либо с недостаточно строгим, либо со слишком широким его применением. Этимологическое исследование лексики какого-либо языка и, в первую очередь, его основного словарного фонда есть неотъемлемая часть изучения этого языка в сравнительно-историческом плане. Оно необходимо не только исторической лексикологии, но и исторической грамматике. Б. А. Серебренников совершенно прав, что эта область применения сравнительно-исторического метода содержит больше всего спорного ⁴⁴ и ее следует считать отсталым участком, в котором прогресс науки за последние 120 лет (от «Этимологических исследований» А. Потта) был наименьшим ⁴⁵. Главными недостатками здесь являются: а) произвольность сопоставлений слов с удовлетворяющим требованиям сравнительно-исторической фонетики звуковым составом, но без достаточного учета расхождений в значении ⁴⁶, б) сопоставление слов с недостаточно выясненной структурой при неясности того, что следует считать первоначальным корнем. И то, и другое само по себе не может быть причислено к объективным недостаткам метода и, как мы указали выше, связано прежде всего с субъективными дефектами применения его авторами этимологических словарей. Однако и то, и другое имеет под собой, помимо субъективных качеств этимологов, два совершенно реальных недостатка современного состояния языкознания в целом: а) полную неразработанность вопроса о закономерностях семантических изменений; б) неразработанность теории корней и основ в индоевропейских языках в их древнейшем доступном нам состоянии, противоречивость

⁴⁴ Недостаточная строгость метода и нередкая произвольность сопоставлений характерна для лучших этимологических словарей индоевропейских языков (греческого словаря Вузака, латинских — Вальде-Гофманна и Мейе-Эрну, незаконченного славянского — Бернекера, балтийско-славянского — Траутманна, незаконченного общиндоевропейского — Вальде-Покорного и нового издания Покорного), не говоря уже о таких изданиях, как «Этимологический словарь русского языка» А. Г. Преображенского, древнеиранский словарь Хр. Бартоломе, санскритский — Улепбека или более старый общиндоевропейский этимологический словарь А. Физка (об этимологических словарях древнегерманских языков мы не беремся судить).

⁴⁵ В недавно появившихся «Принципах этимологических исследований» А. А. Белецкого (Киев, 1950) намечены первые шаги к упорядочению методики исследования в области этимологии, но в очень многие вопросы и эта книга не вносит ясности. С индоевропейскими языками дело обстоит, насколько нам известно, еще много хуже.

⁴⁶ В качестве примера можно привести толкование этимологических связей слова *caelum* в 1-м издании «Латинского этимологического словаря» А. Вальде. Принимая гипотетически условную общиндоевропейскую форму *sqaid(t)-slom, автор сопоставляет с первой частью предположенного им сложного слова, например, не только литовское слово *skaidrūs* («ясный», «светлый»), но и литовские *kaitrà* («головня»), *kaitulys* («плавка»), готское *heitō* («лихорадка»), немецкое *heiz* («горячий») и т. д. С точки зрения фонетических соответствий это еще может быть оправдано (хотя и не без натяжек), но семантическая сторона оставлена в полном пренебрежении и, если бы привести здесь статью А. Вальде о слове *caelum* полностью, она могла бы напомнить рассуждения Н. Я. Марра о «небе как гнезде празначений». Подобные примеры пренебрежения к анализу семантических закономерностей (может быть не столь яркие) могут быть найдены в любом этимологическом словаре. В сравнительно-грамматических исследованиях мы уже в середине XIX в. ничего подобного не найдем.

различных гипотез о «детерминативах», «распространениях» (*élargissements*) и т. п. и об их тождестве или несовпадении со словообразовательными аффиксами. Только разработка этих вопросов позволит сказать, имеем ли мы дело с проявлением определенной ограниченности сравнительно-исторического метода или здесь просто еще не сделано всего, что можно при помощи этого метода сделать.

Следует, далее, признать пока неудовлетворительным состояние вопроса о соотношении случаев сохранения в родственных языках черт структуры языка-основы со случаями так называемого параллельного развития в них новообразований одного и того же типа. Несомненно, что в истории развития родственных языков и те, и другие случаи имеют место. Однако лингвисты еще не научились как следует их различать, хотя по этому вопросу немало писалось. Здесь можно отметить два основных препятствия к удовлетворительному разрешению вопроса:

1. Обычно считается, что параллельное развитие новообразований определяется одинаковой тенденцией, якобы «заложенной» в одном из диалектов языка-основы — в том (предполагаемом) диалекте, дифференциация которого дала два или более обособившихся языка, развивавших уже самостоятельно эту «тенденцию», не получившую окончательной реализации в исходном диалекте. Но условия возникновения такой тенденции остаются обычно неясными. Они могут быть выяснены только в свете определения внутренних законов развития данного языка, как законов взаимосвязи, взаимообусловленности отдельных элементов структуры языка⁴⁷. Грубо ошибочным является объяснение параллельного развития новообразований из сходства внешних условий жизни народов, носителей данных языков. Такое объяснение близости балтийских и славянских языков выдвигал А. Мейе, заменявший допущение периода балтийско-славянской языковой общности предположением о длительной жизни предков балтийских и славянских народов «в соседних областях и в одинаковых культурных условиях»⁴⁸. В таких случаях значение параллельного развития новообразований явно преувеличивается.

2. При реконструкции языков-основ очень часто наблюдается склонность к модернизации их грамматического строя и звукового состава, к максимальному приближению этих черт к тому из засвидетельствованных письменностью языков данной группы, памятники которого обладают наибольшей древностью. Тот же А. Мейе в упомянутой книге «Общеславянский язык», а до него Ф. Ф. Фортунатов, фактически почти отождествляли общеславянский язык-основу со старославянским языком⁴⁹. Отход от этой позиции с более широким привлечением данных других славянских языков имеет место у А. А. Шахматова в его «Очерке древнейшего периода истории русского языка» (1915), касающемся только звукового строя общеславянского языка-основы⁵⁰. Еще более широкое использование данных живых славянских языков (при этом не только в области фонетики, но и в морфологии) можно отметить в книге недавно умершего словацкого ученого И. Коржинека «От индоевропейского праязыка к праславянскому»⁵¹,

⁴⁷ См. статью акад. В. В. Виноградова. Понятие внутренних законов развития языка..., «Вопросы языковедения», 1952 г., № 2, стр. 3—43.

⁴⁸ A. Meillet, *Les dialectes indoeuropéens*. P. 1908, p. 41; *Avant-propos de la réimpression* (во 2-м изд. той же книги 1922 г.) p. 11. *Les origines du vocabulaire slave*, *Revue des études slaves*, vol. 5, 1925, p. 13.

⁴⁹ См. Ф. Ф. Фортунатов, *Лекции по фонетике старославянского (церковнославянского) языка* (Петроград, 1919), хотя на стр. 3 автор и предупреждает, что «не следует думать, что старославянский язык во всех чертах древнее других славянских языков».

⁵⁰ См. Отдел I. Звуковой состав общеславянского праязыка, стр. 1—98.

⁵¹ J. M. Kořínek, *Od indoeuropšského prajazyka k praslovančine*. Bratislava, 1948.

отрицательной стороной которой является, с другой стороны, недостаточный учет данных балтийских языков. Тенденция же к сближению структуры общеславянского языка-основы со старославянским языком получила крайнее выражение в работах Н. Н. Дурново и Н. С. Трубецкого, где она соединялась с утверждением о сохранении славянского языкового единства до X—XI вв., что обосновывалось указанием на распространение «падения глухих» (со всеми его последствиями) во всех славянских языках. Старославянский язык в основных чертах своей структуры оказывается у этих ученых еще более близким к общеславянскому языку-основе, чем у их предшественников⁵². Наконец, можно указать и на то, что все реконструкции общероманского языка-основы романистами оказываются гораздо ближе к реальным романским языкам, чем к такой же реальной живой «вульгарной латыни», засвидетельствованной памятниками III—VI вв.

Модернизация реконструируемых языков-основ, с одной стороны, и преувеличение роли параллельного развития из тенденций, только «заложенных» в языке-основе, с другой стороны, это — два уклона в развитии сравнительно-исторических исследований, которые, хотя и являются как бы противоположными друг другу, но ведут к одному и тому же — к неправильному смещению исторической перспективы развития диалектов и языков — а поэтому часто сосуществуют в одних и тех же работах.

Наша задача состояла в том, чтобы показать принципиальное различие между ограниченностью сравнительно-исторического метода, в силу которой сферу его применения нельзя неправомерно расширять, и недостатками методики, подлежащими устранению в тех пределах, в каких это позволяет ограниченность уже самого языкового материала прошлого, которую правильно подчеркивал Б. А. Серебренников. Конкретные примеры улучшения методики — это тема особой статьи. Реально улучшить методику могут не рассуждения о методике, а конкретные исследования, применяющие ее в свете задач, поставленных перед советским языковедением И. В. Сталиным. Дело языковеда-теоретика обобщить опыт исследовательской практики, вносить в нее методологические коррективы. Но если такой практики не будет, языковед-теоретик рискует впасть в голое схематическое теоретизирование. Пока же, как указывалось и в редакционной статье первого номера журнала «Вопросы языкознания», конкретного применения сравнительно-исторического метода в новом освещении, в согласовании с основными принципами сталинского учения о языке, у нас еще нет. Естественно ждать его у нас, прежде всего в области сравнительно-исторической грамматики славянских языков. Однако и в рамках изучения всей индоевропейской языковой семьи найдется не мало актуальных вопросов, существующее решение которых в плане традиционного применения сравнительно-исторического метода явно неудовлетворительно. Так, многие компаративисты, независимо от Марра, трактовали появление некоторых рядов новообразований, имеющих характер системы, как некий «взрыв», ломающий существующую структуру языка и заменяющий ее новой структурой. Таково, например, представление многих современных лингвистов о возникновении системы склонения, сохраняющейся во всех индоевропейских языках, не утративших синтетического строя. По мнению этих лингвистов, многопадежная система склонения, наиболее типично сохранившаяся в санскрите, сменила в индоевропейском языке-основе более древнюю и примитивную, сохра-

⁵² Собственно и раньше (у Фортунатова, Шахматова и в «Urslavische Grammatik» Микколы) отличия сводились к фактам акцентологии и к изменению таких сочетаний, как * tort, * tert, * tьrt, * tьrt)trat, trét, trьt, trьt; * kv, * gv)cv, zv; губной + J)pl', bl', ml'.

няющуюся в виде реликтов так называемой «гетероклисии» (чередование в склонении основ с разным согласным характером). Такова «ларингальная гипотеза», приписывающая «единому акту» исчезновения некоторых (предполагаемых) согласных единовременное изменение всего характера индоевропейского вокализма. В свете указания И. В. Сталина о том, что «развитие языка происходило не путем уничтожения существующего языка и построения нового, а путем разворачивания и совершенствования основных элементов существующего языка»⁵³ к таким вопросам следует, как нам кажется, подходить иначе, чем подходили до сих пор. Вопросов, стоящих на очереди, очень много, и можно не сомневаться, что гениальные указания И. В. Сталина по всем основным проблемам языкознания позволят советским языковедам поднять и сравнительно-исторические исследования родственных языков на новую ступень, устранить из них те недостатки, которые не относятся к числу «неустраняемых».

⁵³ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 27.